

Тургеневский «Печорин маленьких размеров» («Отцы и дети»)

И. А. Семухина
Екатеринбург, Россия

Аннотация. В статье исследуется роль аллюзий на «Героя нашего времени» в тургеневском романе, соотнесенность Павла Кирсанова с Печориным, позволяющая выявить скрытые противоречия характера тургеневского персонажа. Постигание глубины личности старшего из братьев Кирсановых приводит к выводу не только о мировоззренческом противоречии Базарова и Павла Петровича, но и о равновеликости, сходстве этих героев.

Ключевые слова: история литературы, И.С. Тургенев, «Отцы и дети», ассоциативный фон, Печорин, Павел Кирсанов.

I. A. SEMOUKHINA *Turgenev's "Pechorin of small amounts" ("Fathers and Sons")*

Abstract. The article examines the role of allusions to the "Hero of Our Time" in Turgenev's novel, Pavel Kirsanov's relatedness with Pechorin, allowing to reveal hidden contradictoriness of Turgenev's character. Comprehension of the depth of older Kirsanov's personality leads to the conclusion not only about the world outlook contradiction between Bazarov and Pavel Petrovich, but also about equivalency of these characters.

Keywords: history of literature, Turgenev, "Fathers and Sons", associative background, Pechorin, Pavel Kirsanov.

Молодой Тургенев встретился с Лермонтовым в конце 1839 г. Впечатление от облика поэта было настолько сильным, что спустя тридцать лет уже великий русский писатель в своих воспоминаниях воспроизведет точно схваченный тогда психологический портрет поэта: «Лермонтова я <...> видел всего два раза: в доме одной знатной петербургской дамы, княгини Ш<аховск>ой, и несколько дней спустя на маскараде в Благородном собрании, под новый 1840 год. У княгини Шаховской я, весьма редкий и непривычный посетитель светских вечеров, лишь издали, из уголка, куда я забился, наблюдал за быстро вошедшим в славу поэтом. <...> *В наружности Лермонтова было что-то злое и трагическое; какой-то сумрачной и недоброй силой, задумчивой презрительностью и страстью веяло от его смуглого лица, от его больших и неподвижно-темных глаз. Их тяжелый взор странно не согласовался с выражением почти детски нежных и выдававшихся губ. Вся его фигура, приземистая, кривоногая, с большой головой на сутулых широких плечах, возбуждала ощущение неприятное; но присущую мощь тотчас признавал всякий. Известно, что он до некоторой степени изобразил самого себя в Печорине. Слова «Глаза его не смеялись, когда он смеялся» и т. д. — действительно, применялись к нему. <...> Не было сомнения, что он, следуя тогдашней моде, напустил на себя известного рода байроновский жанр, с примесью других, еще худших капризов и чудачеств. И дорого же он заплатил за них! Внутренно Лермонтов, вероятно, скучал глубоко; он задыхался в тесной сфере, куда его толкнула судьба. На бале дворянского собрания ему не давали покоя, беспрестанно приставали к нему, брали его за руки; одна маска сменялась другою, а он почти не сходил с места*

и молча слушал их писк, поочередно обращая на них свои *сумрачные глаза* [Тургенев 1983: 71–72]¹.

Безусловно, сильное впечатление, оказанное личностью Лермонтова на молодого писателя, не могло не отпечататься в его творчестве. Одним из очевидных проявлений художественной рецепции Тургеневым творчества Лермонтова стали персонажи так называемого «печоринского типа», замеченные на страницах повестей и романов писателя. И это не случайно. По воспоминаниям Полонского, Тургенев называл «Героя нашего времени» «новым откровением».

Но первоначально в критике, как правило, речь шла о намеренно сниженной писателем вариации лермонтовского героя. Так, одна из прозрачных аналогий, как известно, была замечена уже Писаревым в романе «Отцы и дети»: «...Павел Петрович, *может быть назван Печориным маленьких размеров*; он на своем веку пожурировал и подурчился, и, наконец, все ему надоело; пристроиться ему не удалось, да это и не было в его характере; добравшись до той поры, когда, по выражению Тургенева, сожаления похожи на надежды и надежды похожи на сожаления, бывший лев удалился к брату в деревню, окружил себя изящным комфортом и превратил свою жизнь в спокойное прозябание» [Писарев 1981].

В образе Павла Петровича, действительно, без труда обнаруживаются характерные приметы печоринского облика. В первую очередь, обращает на себя внимание внешнее портретное сходство героев. Сравним:

Григорий Печорин (глава «Максим Максимыч»)	Павел Кирсанов (IV глава)
«стройный, тонкий стан»;	«гибкий стан»; облик Аркадиева дяди «сохранил юношескую стройность и то стремление вверх, прочь от земли, которое большей частью исчезает после двадцатых годов»;
«ослепительно-чистое белье, избличавшее привычки порядочного человека»;	«снежной белизны рукавичек»;
«маленькая аристократическая рука»;	«красивая рука с длинными розовыми ногтями»;
«бледный благородный лоб, на котором, только при долгом наблюдении, можно было заметить следы морщин»;	«лицо его, желчное, но без морщин, необыкновенно правильное и чистое, словно выведенное тонким и легким резцом»;

«белокурые волосы»;	«седые волосы отливали темным блеском, как новое серебро»;
один из «признаков породы» в Печорине – редкое сочетание «светлого цвета волос» с черными усами и бровями;	«облик Аркадиева дяди, изящный и породистый»;
«зубы ослепительной белизны»;	«прекрасные белые зубы»;
«он был вообще недурен собой и имел одну из тех оригинальных физиогномий, которые особенно нравятся женщинам светским»;	лицо его «являло следы красоты замечательной»;
«карие глаза», «Из-за полупущенных ресниц они сияли каким-то фосфорическим блеском <...> то был блеск, подобный блеску гладкой стали, ослепительный, но холодный» (493–494) ² .	«особенно хороши были светлые, черные продолговатые глаза» (18–19); он «поднял глаза к небу. Но в его прекрасных темных глазах не отразилось ничего, кроме света звезд» (57) ³ .

Все мы помним, что в романе представители поколения «отцов» нередко именуются «стариками». Действительно, весной 1859 года мы видим Николая Петровича «уже совсем седого, пухленького и немного сгорбленного» (10), и Павел Петрович уже много лет назад «состарился и поседел» (32). А ведь Павел чуть старше своего брата, которому всего сорок четыре года... Причины преждевременной старости героя раскрываются в предыстории персонажа, которая также пронизана аллюзиями на «Героя нашего времени».

Павел Петрович в молодости, как известно, был видным офицером: он «славился смелостью и ловкостью», его «носили на руках», женщины «от него с ума сходили», мужчины «называли его фатом и втайне завидовали ему», «на двадцать восьмом году от роду он уже был капитаном; блестящая карьера ожидала его» (30). Внезапный уход Павла Кирсанова в отставку, «несмотря на просьбы приятелей, на увещания начальников», и «бесплодно, бесцветно и быстро, страшно быстро» пробежавшие последующие годы (32), как правило, объяснялись тургенедами лишь трагической историей любви героя к княгине Р.

На наш взгляд, отказ «светского льва» от карьеры, апатия и тоска объясняются не только любовной драмой, но и его разочарованием в офицерской службе Николаевского времени. Автор замечает, что

² Здесь и далее цит. по: [Лермонтов 1990] с указанием страницы.

³ Здесь и далее цит. по: [Тургенев 1981] с указанием страницы.

¹ Здесь и далее курсив в цитатах наш – И. С.

уже в молодости Павел был не только «самоуверен», но «немного насмешлив и как-то забавно желчен» (30). Герой не испытывает никаких сожалений по поводу того, что не сделал карьеры. Поэтому у него не вызывает зависти, например, карьерный рост родственника-ровесника Матвея Калязина: «И велика важность, тайный советник! Если б я продолжал служить, тянуть эту *глупую лямку*, я бы теперь был генерал-адъютантом» (46). Таким образом, духовное состояние Павла Кирсанова в настоящем объясняется его существованием, мироощущением в прошлом. А что это за эпоха?

Если мы, руководствуясь как будто невзначай брошенными указаниями автора, отмотаем время от момента основных романских событий назад, то обнаружим следующую обратную хронологию: известие о смерти княгини Р. и вернувшийся перстень с изображением перечеркнутого сфинкса Павел Петрович получает «в начале 48-го года»; этому предшествовали прошедшие после окончательного разрыва с княгиней «бесцветно, бесплодно и быстро, страшно быстро» десять лет, когда он «состарился и поседел», когда «сидеть по вечерам в клубе, желчно скучать, равнодушно спорить в холостом обществе стало для него потребностью, — знак, как известно, плохой»; а до этого десятилетия в погоне за княгиней Р. «года четыре провел он в чужих краях» (31–32). Поскольку именно перед этим отъездом за границу Павел Петрович вышел в отставку капитаном, то несложные вычисления позволяют определить, что произошло поворотное событие в жизни 27-летнего героя в 1830-е годы, то есть в печоринскую эпоху.

Обнаружение исторических истоков личности позволяет иначе взглянуть на тургеневского персонажа, понять, почему в один из теплых майских дней 1859 года Павел Кирсанов, вернувшись в свой изящный кабинет в доме брата, «бросился на диван, заложил руки за голову и остался неподвижен, почти с отчаянием глядя в потолок» (40).

В статье «По поводу „Отцов и детей“» романист сам признавался, что «в фигуре Павла Кирсанова даже погрешил против художественной правды и пересолил, довел почти до карикатуры его недостатки, сделал его смешным!» [Тургенев 1983: 90]. Отсюда — известный авторский иронический дискурс в описании Павла Петровича, который позволил Писареву увидеть в герое Печорина лишь «маленьких размеров». Так ли мал, на самом деле, Павел Петрович? Заметим, что авторская ирония сопровождает Павла Кирсанова в повествовании о его настоящем. А рассказ о прошлом героя абсолютно

лишен иронического оттенка, в результате чего вокруг него возникает трагически-романтический ареол. И здесь Тургенев совсем не погрешил против художественной правды, поскольку предыстория Павла Петровича преподносится в субъектной призме его племянника Аркадия.

Остается только догадываться, каким бы вышел образ Павла Кирсанова, если бы Тургенев не «пересаливал» и сознательно не принижал своего героя. Так или иначе, даже при условии сохранения иронического оттенка в образе Павла Кирсанова от начала к концу романа углубляется внутренняя драма страдающего героя. Поэтому даже Писарев, несмотря на его общую критическую оценку «*отставного денди*», почувствовал если не исключительность, то скрытую силу и неординарность этой личности: «Как человек желчный и страстный, одаренный гибким умом и сильною волею, Павел Петрович резко отличается от своего брата и от племянника. Он не поддается чужому влиянию, он сам подчиняет себе окружающие личности и ненавидит тех людей, в которых встречает себе отпор» [Писарев 1981].

В свете соотнесенности тургеневского персонажа с лермонтовским героем и простирающихся аллюзий на «Героя нашего времени» все больше проявляются скрытые противоречия личности Кирсанова. Так, ретроспективный сюжет взаимоотношений Павла Петровича с княгиней Р. невольно заставляет вспомнить линию Печорина и Веры.

Григорий Печорин (после письма Веры)	Павел Кирсанов (VII глава)
«Я как безумный выско-чил на крыльцо, прыгнул на своего Черкеса <...> и пустился во весь дух по дороге в Пятигорск»; «Я молился, проклинал, плакал, смеялся... нет, ничто не выразит моего беспокорства, отчаяния!..», «... Вера стала для меня доро-же всего на свете — дороже жизни, чести, счастья!»; «...я думал, грудь моя разорвется; вся моя твер-дость, все мое хладнокровие — исчезли как дым. Душа обессилела, рассудок замолк...»; «Когда ночная роса и гор-ный ветер освежили мою горячую голову и мысли пришли в обычный порядок, то я понял, что гнаться за погибшим счастьем бесполезно и безрассудно. Чего мне еще надобно? — ее видеть? — зачем?» (576).	«Привыкший к победам, он и тут скоро достиг своей цели; но легкость торжества не охладила его. Напротив: он еще мучительнее, еще крепче привязался к этой женщине, в которой <...> все еще как будто оста-валось что-то заветное и недоступное...»; «Чего же я хочу? — спраши-вал он себя, а сердце все ныло»; «Тяжело было Павлу Петро-вичу даже тогда, когда кня-гиня Р. его любила; но когда она охладела к нему <...>, он чуть с ума не сошел. Он терзался и ревновал, не давал ей покою, таскался за ней повсюду...»; помчался за княгиней за границу, бросив все, «то гоняясь за нею, то с на-мерением теряя ее из виду» (31–32).

Призма лермонтовского романа намечает множество векторов дальнейшего осмысления и героя Тургенева (а именно, истоков его одиночества, разочарования, скитальчества, характера отношений с современным обществом, русского дендизма со всеми его внешними проявлениями и внутренней аристократической сущностью), и понимания роли отдельных сюжетно-композиционных составляющих: например, линии Павел Петрович — Фенечка, значение дуэли, характер эпилога и т. д.

Скажем несколько слов об эпилоге. В тургеневском романе эпилог — одна из важнейших форм выражения авторской позиции. Эпилог не просто замыкает сюжет, а становится эмоционально-логическим завершением основной мысли произведения. Как известно, в финале «Отцов и детей» Тургенев дает высокопоэтическое описание могилы Базарова, высвечивая таким образом героическое начало личности хоть и заблуждающейся, но ищущей и бунтующей. Но стоит обратить внимание и на то, что описанию Павла Петровича, в отличие от других персонажей, в эпилоге отведено места не только не меньше, а даже больше, чем главному герою. Это еще раз подчеркивает далеко не подчиненную роль Павла Кирсанова в романе.

Ровно за полтора месяца до окончания «Отцов и детей» Тургенев писал: «...со времен древней трагедии мы уже знаем, что настоящие столкновения — те, в которых *обе стороны до известной степени правы*». Постижение глубины личности старшего из братьев Кирсановых все чаще приводит современных исследователей к выводам не только о мировоззренческом, идейном противоречии Базарова и Павла Петровича, ставшем основой внешнего конфликта, но и о сходстве этих героев. Они оба могли вступить в настоящий диалог только с равновеликой себе фигурой. Поэтому и Павел Кирсанов бросается в «бой» со всей нерастроченной энергией, поскольку наконец-то дождался достойного «противника». И Базаров, несмотря на пози-

цию абсолютного отрицания любых авторитетов и норм, отвечает на этот вызов (вплоть до вызова на дуэль, где оказывается, что правила дуэльного этикета известны не только русскому денди Кирсанову, но и Базарову). Близость этих героев видна в восприятии их окружающими как особенных, в «чуждости», превосходстве над другими, в незаурядности натур, скитальчестве, вечном одиночестве и трагическом завершении жизни.

В романе погибает не только Базаров. В финале как «живой мертвец» предстает Павел Петрович — «да он и был мертвец». В эпилоге в описании уехавшего в Дрезден Кирсанова Тургенев не отказывается от иронии, но она едва заметна, на первый план выдвигается трагедия доживающего последние дни страдающего скитальца: «...жить ему тяжело... тяжелей, чем он сам подозревает... Стоит взглянуть на него в русской церкви, когда, прислонившись в сторонке к стене, он задумывается и долго не шевелится, горько стиснув губы, потом вдруг опомнится и начинает незаметно креститься...» (187). Зачем Павел Кирсанов уехал в Дрезден? Для «поправления здоровья», как замечает автор, или для того, чтобы умереть «где-нибудь на дороге», как говорил герой другого, лермонтовского романа?..

ЛИТЕРАТУРА

Лермонтов М. Ю. Сочинения: в 2 т. М.: Правда, 1990. Т. 2.

Писарев Д. И. Базаров // Писарев Д. И. Литературная критика: в 3 т. Л.: Худож. литература, 1981. Т. 1: Статьи 1859–1864 гг. URL: http://az.lib.ru/p/pisarew_d/text_0220.shtml (дата обращения: 1.10.2014).

Тургенев И. С. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 7. М.: Наука, 1981.

Тургенев И. С. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 11. М.: Наука, 1983.

ДАнные об авторе

Семухина Ирина Александровна — кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и методики ее преподавания Уральского государственного педагогического университета.

Адрес: 620017 Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26

Эл. почта: slawirsem@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Semoukhina Irina Aleksandrovna is a Candidate of philological Sciences, associate Professor of the Department of Literature and Methodics of Teaching of the Ural State Pedagogical University (Yekaterinburg).